

УДК 821.161.1

С.В. РУДАКОВА,
*кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры русской литературы
Магнитогорского государственного университета (Россия)*

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ МЫСЛИ (О СТИХОТВОРЕНИИ «СНАЧАЛА МЫСЛЬ, ВОПЛОЩЕНА...» Е.А. БОРАТЫНСКОГО)

Статья посвящена анализу одного из произведений книги стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского «Сначала мысль воплощена...». Своим стихотворением автор включается в дискуссию о соотношении поэзии и прозы, об определении их места в духовной жизни современного человека, о сущности мысли. Героиней произведения оказывается «мысль», и поэт показывает стадии «преображения» мысли теми, кто именует себя творцом, но на самом деле таковым не является.

Ключевые слова: Е.А. Боратынский, книга стихов, «Сумерки», мысль, поэзия и проза.

Произведение Е.А. Боратынского «Сначала мысль, воплощена...» входит состав «Сумерек», по праву считающихся первой в русской поэзии книгой стихов. Впервые так стал рассматривать «Сумерки» А. Кушнер [1, с. 179], вслед за ним этой же точки зрения придерживается и ряд других исследователей, например, Е.Н. Лебедев [2, с. 114–212], О.В. Мирошникова [3, с. 55], О.В. Зырянов [4, с. 32], хотя другие ученые [5] по-прежнему считают, что «Сумерки» – это лирический цикл.

Некоторые исследователи, например, И.Л. Альми, рассматривают «Сумерки» как книгу сомнений, рефлексий поэта относительно сути жизни, человека и человечества. Другие же, среди которых А.М. Песков, видят в «Сумерках» книгу «философических ответов, данных с позиции сверхзнания – знания, выходящего «за грань чувственного», «страстного земного» [6, с. 43]. Но, на наш взгляд, книга Боратынского – эта книга вопросов и споров поэта с собой и с миром о том, что есть жизнь и каково место в ней поэзии и т. д.

Книга «Сумерки» – это своеобразная исповедь художника, находящегося во враждебных отношениях с обществом, с современной эпохой, переживающего мучительное одиночество, жаждущего его преодолеть, ищущего пути этого, осознающего трагедию, переживаемую человечеством, как личную, рассматривающего собственную жизненную катастрофу как отражение катастрофы вселенского масштаба [7].

Вслед за О.В. Мирошниковой, мы рассматриваем любое стихотворение, попадающее в книгу Боратынского, как художественный текст, чей первичный художественный смысл ообраз одновременно и «сужается» под влиянием «контекстовых ассоциативных переключек», «становясь более конкретным и направленным на развитие определенной темы, стиля, и «расширяется», обретая ассоциативный ореол книжного многозначия» [3, с. 61].

Каждое произведение «Сумерек», можно сказать, вытекает из предыдущего, разворачивая заявленную прежде мысль в какой-то новой плоскости, предлагая решение проблемы, уже рассмотренной ранее, в новом ракурсе. Происходит подобное и с произведением «Сначала мысль, воплощена...».

Обретая в ситуации, описанной в «Ахилле» [8] (в стихотворении, что предшествует в книге Боратынского произведению «Сначала мысль воплощена...»), «живую веру», Поэт, лирический герой «Сумерек», бросается вновь в мир современников, желая там найти со-

беседника, мечтающая быть услышанным и понятым. На этом пути даруются ему новые прозрения, правда, его ожидает и новое разочарование и в людях, и в жизни.

Как и «Увы! Творец непервых сил...», и «Ропот», и «Филида с каждою зимой», и другие предшествующие тексты «Сумерек», стихотворение «Сначала мысль, воплощена...» создается Боратынским в духе эпиграммы. И первые (произведение, будучи написано в 1837 г., опубликовано было в журнале «Современнике» только в 1838 под заголовком «Мысль» [9, с. 154]), и последующие читатели соотносили содержание стихотворения «Сначала мысль, воплощена...» с литературной действительностью 1830-х годов.

В это время в России развернулась ожесточенная полемика, касающаяся состояния литературы, в частности, роли поэзии и прозы в историко-литературном процессе. Так, В.Г. Белинский замечал: «С 1829 г. все писатели наши набросились в прозу» и «цена на стихи вдруг упала» [10, с. 525]. Высказывал он и другое суждение: «Прощайте, стихи! Будет ребячиться нашей литературе, довольно пошала – пора и делом заниматься» [10, с. 526].

Многие современники Боратынского становятся на позиции тех, кто защищал достоинства прозы, подчеркивал ее несомненные преимущества перед поэзией. Среди немногочисленных сторонников тех, кто доказывал значимость именно поэзии, оказался В.К. Кюхельбекер, написавший в 1835–1836 гг. статью «Поэзия и проза», в которой отстаивал убеждения, созвучные с теми взглядами, что выражены Боратынским в его стихотворении. Кюхельбекер, доказывая величие поэзии, ее бесспорную силу, приводил такие аргументы: «... Сам я рифмач и клянусь совестью, что рифма очень часто внушала мне новые неожиданные мысли, такие, которые бы мне не пришли на ум, если бы я писал прозою; вдобавок, мера и рифма учат выражать мысль кратко и сильно, выражать ее молнией, у наших же великих писателей в прозе эта же мысль расплзалась бы по целым страницам» [11, с. 211–212].

Кроме того, нужно помнить и о мощной, формирующейся ещё в начале 1820-х годов тенденции создания поэзии мысли, а также о спорах по поводу того, какой же должна была стать эта поэзия мысли [12].

Своим произведением «Сначала мысль, воплощена...» Боратынский включился в дискуссию о соотношении поэзии и прозы, об определении их места в духовном пространстве человека, о роли и значении мысли в современном духовном мире. Появившись в печати, это стихотворение поэта вызвало бурную, в основном негативную реакцию современников. Так, грубо-враждебно откликнулся на это произведение Н.А. Полевой, который был среди тех, кто стал «отрицателем» поэзии: «Не плода журнальной полемики, как не сказать, что такие стихи, как искусственная жена, как темная дева, не поднимают и не воплощают никакой мысли, кроме одной только: зачем писать стихи, если время их для нас прошло?» [13, с. 273].

Не остался в стороне от разгоревшихся споров и Белинский, который высказывал прямо противоположные мнения по поводу этого произведения Боратынского в разные периоды своего творчества. Так, в 1838 году, сразу после публикации стихотворения Боратынского, Белинский отметил, что оно «особенно отличается необыкновенною художественностию своих поэтических форм: это истинная творческая красота» [14, с. 410]. Но уже в 1842 году он дал совершенно противоположную оценку данному тексту. Критик, размышляя о состоянии русской литературы и, в частности, о смысле этого произведения Боратынского, с каким-то ожесточенным негодованием восклицал в своей статье «Русская литература в 1842 году»: «Лучше совсем не писать поэту, чем писать такие, например, стихотворения» [10, с. 532].

Интересную интерпретацию данного произведения Боратынского предлагали многие исследователи, одна из спорных точек зрения принадлежит Н.Н. Мазур, которая на газетных чтениях в 2008 году прочитала доклад «Из комментария к «Сумеркам» Боратынского». «Не согласившись с предложением М. Вайскопфа считать источником стихотворения пассаж из романа Н.А. Полевого «Абадонна», она предложила новый «ключ к пониманию центральной метафоры стихотворения («поэзия – мысль – дева») и указала на ее возможный источник – фрагмент из романа Сервантеса «Дон Кихот» (Часть II. Глава XVI), где поэзия уподоблена прекрасной юной деве, которой, однако, следует опасаться и избегать низкой, не понимающей ее черны» [15, с. 431].

Учитывая опыт предшественников, попробуем предложить свой взгляд на понимание смысла этого произведения Боратынского, каким он нам открывается в контексте книги «Сумерки».

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста.
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем [16, с. 190].

Очищенный, просветленный, обретший веру (что описано было в стихотворении «Ахилл»), Поэт, лирический герой «Сумерек», ищет Божественное в том мире, что окружает его здесь и сейчас. И первое открытие, которое он делает, вступая на путь божьего познания мира: «Сначала мысль...» По сути эти строки имеют почти аллюзийный характер, в сознании верующего человека (а именно таким становится в момент духовного прозрения Последний Поэт) они вызывают начальные образы сакрального текста, того, что именуем мы Библией: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Ев. от Иоанна, 1:1)». Всё это способствует сакрализации образа мысли, приближая её к изначальному божественному воплощению – слову.

Как и в первом стихотворении, открывавшем «Сумерки» (в посвящении «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»), но совсем в ином плане, Поэт сравнивает себя с Богом, но не противопоставляет себя ему, а уподобляет свое искусство деятельности Всевышнего. Во главе всего – и жизни, и творчества – оказывается, в понимании Поэта, СЛОВО, отождествляющееся в его сознании с образом МЫСЛИ. Наверное, поэтому так необычна организация первой фразы Боратынского, открывающей стихотворение, так непривычно расставлены знаки препинания, осложняющие наше восприятие, но заставляющие не только всматриваться, но и вслушиваться в то, о чем говорит Поэт:

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста [16, с. 190].

Героиней стихотворения, действительно, оказывается «мысль». По крайней мере, так кажется, когда читаешь первую часть текста. Но уже в начале произведения мысль предстает как амбивалентный образ. С одной стороны, обнаруженная интертекстуальная связь образа мысли, создаваемого Боратынским, с библейским контекстом, возвышает, сакрализует этот образ. С другой стороны, мысль оказывается связанной и с земным, суетным миром: она сравнивается с девой, а кроме того, характеризуется словом «темна», который в сознании большинства вызывает ассоциацию с миром демоническим, далеким от идеала, тем более божественного пространства. Более того, мы видим, что образ мысли в стихотворении Боратынского переживает ряд метаморфоз: сначала мысль сравнивается с юной девой («Как дева юная, темна / Для невнимательного света»), когда она превращается в поэтическое слово («поэму сжатую поэта»), затем со светской кокеткой («Потом, осмелившись, она / Уже увертлива, речиста») и с искушенной женой, когда воплощается «в свободной прозе романиста», а в финале с «болтуньей старой», что подъявляет «крик нахальный», когда употребляется «в полемике журнальной». Как видим, в характеристике мета-

физической реалии – мысли – Боратынский избирает необычный ракурс, мысль у Поэта «персонифицирована в образе женщины» [17, с. 116]. Мысль – эта тонкая божественная субстанция, сгущаясь, материализуясь в эмпирическом мире людей, все дальше уходит от себя истинной. Потому и меняющийся возраст «мысли-женщины» обуславливает изменение ее оценки Поэтом.

Но что же стоит за этим двойственным представлением мысли – ее разоблачение или что-то иное?! Сатирический контекст эпитаграммы Боратынского позволяет выйти на путь, двигаясь которым можно прийти к пониманию скрытого смысла стихотворения. Поэт, обретший, казалось бы, веру, пришел в мир своих собратьев по перу. Но выяснилось, что единомышленниками их трудно считать, ибо не все в равной степени приближены к чуду божественного дара, именуемого ТВОРЧЕСТВОМ. Многие пишут, но не все ТВОРЯТ, подобно Богу.

И стадии «преображения» метафорического образа мысли – это не деградация самой мысли, это своеобразные этапы ее выхолащивания теми, кто гордо именуется автором-творцом, но таковым на самом деле не является. Потому нам представляется очень верным высказывание Е.Н. Лебедева: «Здесь вычерчена общая схема отношений поэтической мысли, воплощенной в произведение, с «ленивым умом толпы» – схема “псевдопонимания”» [2, с. 165]. Вписанность Боратынского в общий историко-литературный процесс проявляется в данном стихотворении в том, что он встает, как и Кюхельбекер, на позицию человека, однозначно возвышающего поэзию и принижающего все иные области литературного творчества – прозу и журналистику (хотя как автор он проявил себя и в этих сферах).

Пристальное внимание к тексту Боратынского позволяет раскрыть смысл первого метафорического сопоставления:

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света...

Высшая, максимально близкая истине форма реализации мысли, близкая по сути своей божественному слову, – произведение Поэта. Но мы видим, что, как и во многих других стихотворениях Боратынского, начиная с первого, открывающего книгу «Сумерки», в произведении «Сначала мысль, воплощена...» обнаруживается конфликт поэта и светского общества. Слово Поэта по-прежнему неведомо, неясно, а значит, «темно» для этого мира; а потому истина, открывающаяся Поэту, оказывается ненавистна людям. «Свет» этой мысли, по всей видимости, обнажает такую грязь пороков высшего светского общества, что он не желает ее видеть или, пытаясь «уберечь» себя, приписывает эту «тьму» слову Поэта, но никак не себе. По сути можно говорить, что Боратынский вслед за А.С. Пушкиным (выразившим, в частности, в стихотворении 1828 г. «Поэт и толпа» и идею богоизбранности поэта, и мысль о его противопоставленности светской черни) и задолго до М.Ю. Лермонтова (до его «Пророка» и других текстов) утверждал высокую миссию Поэта, одновременно показывая его непонятость миром высшего общества.

Сравнение же мысли с юной девой, по мнению Боратынского, должно было подчеркнуть также изначальность Поэзии как рода литературы, близость ее миру абсолютных истин, ее чистоту, искренность (опосредованно проявляется здесь народная мудрость – «устаи ребенка глаголет истина»), а также красоту, которая оказывается не всеми замечена, ибо «дева» еще не расцвела, не научилась «представлять» себя свету. По существу, Боратынский в этом стихотворении развивает собственные мысли, высказанные еще в 1829 году:

Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой [16, с. 151].

В произведении «Сначала мысль, воплощена» Поэт осознает, что для общества по-прежнему привлекательней оказывается то, что громко заявляет о себе, что выставляет себя напоказ:

...Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста.
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста [16, с. 151].

По мнению Поэта, современная проза, особенно журналистика, выхолостила мысль, извратила высокое, ушла далеко от вечного, божественного. В чем-то позиция Поэта, утверждавшего, что мысль:

Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья *старая*, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем (выделено нами – С.Р.), –

оказывается во многом созвучна позиции Евгения Онегина, взгляды которого были раскрыты А.С. Пушкиным в первой главе его романа в стихах:

Читал, читал, а все без толку:
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги;
*И устарела старина,
И старым бредит новизна* [18, с. 28].

Один из ведущих мотивов книги «Сумерки» – столкновение прошлого и настоящего, проникновение ушедшего мира в современность, что определял содержание стихотворений «Предрассудок», «Ропот», – совершенно по-другому зазвучал в произведении «Сначала мысль, воплощена...».

Потому, наверное, поэтическая логика стихотворения Боратынского определяет движение от торжественно кратких фраз, включающих в свой состав нейтральную и книжную лексику (всё это ассоциируется с миром старины) к жестко сатирическим образам, создаваемым с помощью слов низкой разговорной лексики: «увертлива», «речиста», «болтунья», «нахальный» (что оказывается созвучно с миром современным).

Поэт, уверовав в себя и себе подобных, вновь разочаровывается в собратях по литературному цеху: погоня за суетной славой, сиюминутным успехом, разводит этих авторов с теми истинами, что должны были бы в их произведениях освещаться. А потому «мысль» в современном мире как будто деградирует, выхолащивается. Последний Поэт показывает основные стадии трансформации мысли под воздействием порочного пустого светского общества, которые низводят ее в бытовую сферу. Настоящий Поэт оказался в равной степени далек и непонятен не только для светского мира, но и для мира литераторов и критиков, утративших понимание своего истинного предназначения, но при этом пытающихся учить других.

В произведении «Сначала мысль, воплощена» описывается новый этап трагических исканий Поэта – «псевдопонимание» его мысли окружающими. Боратынский в этом стихотворении высказывает свои мысли о призрачности надежд на приобщение современников «живой вере», слишком уж они замкнуты на самих себе, увлечены мелочностью быта, слишком погружены в суетные дразги, чтобы отвлечься от всего этого и взглянуть на мир другими глазами, по-настоящему понять, что происходит рядом.

Вдохновение и разочарование, поэт и общество, понимание и чуждость, высокое и низкое, божественное и темное – все эти мотивы, важнейшие для книги «Сумерки», в стихотворении «Сначала мысль, воплощена...» выходят на новый уровень в своем развитии.

Список использованной литературы

1. Кушнер А. Книга стихов / А. Кушнер // Вопросы литературы. – 1975. – № 3. – С. 178–188.
2. Лебедев Е.Н. Тризна. Книга о Е.А. Боратынском / Е.Н. Лебедев. – М.: Современник, 1985. – 301 с.
3. Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика / О.В. Мирошникова. – Омск: ОмГУ, 2004. – 339 с.
4. Зырянов О.В. Субъектная архитектоника стихотворных книг в свете исторической поэтики / О.В. Зырянов // Авторское книготворчество в поэзии: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – Омск: Издательско-полиграфический центр «Сфера», 2008. – Ч. 1. – С. 25–36.
5. См.: Альми И.Л. Сборник Е.А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство / И.Л. Альми // Вопросы литературы. Метод. Силь. Поэтика. – Владимир, 1973. – Вып. 8. – С. 23–81; Дарвин М.Н. Русский лирический цикл: Проблемы истории и теории / М.Н. Дарвин. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1988. – 137 с.; Ляпина Л.Е. Лирический цикл в русской поэзии 1840–1860-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Е. Ляпина. – Л., 1977 и др.
6. Песков А.М. Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского / А.М. Песков // Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского / Сост. А.М. Песков. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 496 с.
7. См. подробно об этом: Рудакова С.В. Динамика изменений сознания лирического героя книги «Сумерки» Е.А. Боратынского / С.В. Рудакова // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. – № 2 (34), май. – Магнитогорск: Изд. центр МГТУ им. Г.И. Носова, 2011. – С. 84–86.
8. См. подробно об этом: Рудакова С.В. Стихотворение «Ахилл» в контексте книги стихов Е.А. Боратынского «Сумерки» / С.В. Рудакова // Литературный текст: проблемы поэтики. Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н.Л. Лейдермана. – Челябинск: Цицеро, 2011. – С. 345–349.
9. Боратынский Е.А. Сначала мысль воплощена... / Е.А. Боратынский // Современник. – Т. 9. – № 1. – 160 с.
10. Белинский В.Г. Русская литература в 1842 г. // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. – Т. 6. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 799 с.
11. Литературно-критические работы декабристов. – М: Худ. литература. 1978. – 374 с.
12. См. подробно об этом: Гинзбург Л.Я. Поэзия мысли // Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л.: Советский писатель, 1974. – С. 51–126; Маймин Е.А. Русская философская поэзия. – М.: Наука, 1976. – 190 с.
13. Цит. по: Купреянова Е. Комментарии к стихотворениям / Е. Купреянова // Боратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: в 2 т. – Л.: Советский писатель, 1936. – Т. 1. – С. 227–302.
14. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2 / В.Г. Белинский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 831 с.
15. См.: Теперик Т. Гаспаровские чтения 2008 (Москва, РГУ, 10–12 апреля 2008 г.) [Электронный ресурс] / Т. Теперик, В. Буякова, А. Бодрова. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/te41.html>.
16. Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений / Е.А. Баратынский. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 464 с.
17. Дарвин Г.Н. Русский лирический цикл: проблемы истории и теории / Г.Н. Дарвин. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 137 с.
18. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 5 / А.С. Пушкин. – М.: Наука, 1964. – 639 с.

Статью присвячено аналізу одного з творів книги віршів «Сутінки» Є.А. Боратинського «Сначала мысль воплощена». Своїм твором автор включається у дискусію про співвідношення поезії та прози, про визначення їх місця у духовному житті сучасної людини, про сутність думки. Героїнею тво-

ру є думка, і поет показує стадії «перетворення» думки тими, хто іменує себе творцем але насправді таким не є.

Ключові слова: Є.А. Боратинський, книга віршів, «Сутінки», думка, поезія і проза.

The article is devoted to the analysis of the poem «At first the thought is embodied» which are a part of the book of verses «Twilight» by E.A. Boratynsky's. This work gave its author the opportunity to take part in the discussion about correlation between poetry and prose, about their role in the spiritual life of a contemporary person, about the essence of thought. The heroine of Boratynsky's poem appears to be 'the thought' and the poet shows the stage of its transformation by those who call themselves creator, but do not prove to be ones in reality.

Key words: E. Boratynsky, the book of verses, the «Twilight», a thought, poetry and prose.

Надійшло до редакції 7.09.2012 р.